

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343

ПОСРЕДСТВЕННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ – ДОГМА ПРАВА ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ?

В.А. КУРЯКОВ*(Полоцкий государственный университет)*

Судебная практика постоянно сталкивается в разнообразных проявлениях с ситуациями, когда преступный результат надлежащим субъектом достигается «чужими руками». Сложное в уголовно-правовом понимании социальное явление впервые получило свое нормативное закрепление лишь в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 года. Норма есть, но достаточно ли понятна ее правовая природа, способна ли она в своем современном уголовно-правовом формате эффективно себя реализовывать в борьбе с преступностью?

Доктрина посредственного исполнения имеет достаточно глубокие исторические корни и занимает серьезное место во многих современных уголовно-правовых системах. В некоторых странах рассмотрению вопросов посредственного исполнения посвящаются отдельные разделы курсов уголовного права [1].

Нужно признать, что как в практическом, так и в научно-теоретическом отношении спорных и дискуссионных моментов в анализируемом институте уголовного права при внешне кажущейся доступности его понятийного определения остается более чем достаточно. Необходимость проведения дополнительных исследований положений института посредственного причинения приобрело особую значимость в свете его законодательного закрепления в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ) 1999 года. [2]

Однако в рамках настоящей публикации обозначим предмет исследования только двумя наиболее принципиальными, по нашему мнению, спорными положениями:

1. Обоснованно ли законодатель институт посредственного исполнения включил в статью 16. Соучастие в преступлении?

2. Имеет ли место соучастие, когда в выполнении объективной стороны конкретного преступления наряду с надлежащим исполнителем принимает участие лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу закона?

Общепризнанным является положение, согласно которому соучастие не имеет место в тех случаях, когда отсутствует обязательный количественный признак этого правового института – наличие двух и более субъектов преступления, отвечающих требованиям, сформулированным в статье 16 УК [3, 4]. Хотя законодатель в части 1 статьи 16 УК прямо и не указал, какими признаками (качествами) в рамках соучастия должны обладать участвующие в совершении преступления лица, ответ очевиден – речь идет только о физических лицах, обладающих признаками субъекта состава конкретного преступления, а соответственно, способных нести уголовную ответственность, т.е. отвечать требованиям, предусмотренным частями 1 и 2 статьи 27 УК. Из буквального толкования положений части 2 статьи 16 УК вытекает еще одно бесспорное условие: в любой форме соучастия всегда одно лицо должно отвечать статусу исполнителя в его уголовно-правовом понимании, определенном частью 3 статьи 16 УК.

Казалось бы, само понятие «исполнитель преступления» на уровне имеющегося законодательного определения не нуждается в каком-то еще дополнительном пояснении (расшифровке) в силу очевидности содержания его преступной деятельности. Однако практика применения положений части 3 статьи 16 УК поставила перед наукой уголовного права ряд заслуживающих внимания вопросов, ответить на которые, как выясняется, не так уж и просто.

В доктрине уголовного права существуют несколько пониманий сущности исполнения преступления. Одно из них – *рестриктивная* (здесь и далее курсив автора) концепция, согласно которой под исполнителем понимается лицо, совершившее деяние собственноручно. Именно данное направление и было положено в основу законодательного определения понятия исполнителя как в части 3 статьи 17 УК РБ 1960 года [5], так и в УК РБ 1999 года. В соответствии с частью 3 статьи 16 УК 1999 года исполнителем признается прежде всего лицо, **непосредственно** совершившее преступление. В этом и состоит суть объективного понимания исполнителя преступления.

Но, как видно из содержания нормы, законодатель с учетом потребностей судебной практики расширил в УК РБ 1999 года сферу уголовно-правового определения понятия «исполнитель», включив в рассматриваемое понятие ряд дополнительных признаков, неизвестных ранее действующему уголовному законодательству. Как следствие, фактически в части 3 статьи 16 УК предусматриваются три разновидности преступного поведения исполнителя, каждая из которых имеет свои принципиально отличительные особенности.

В соответствии с первым вариантом «Исполнителем признается лицо, *непосредственно* совершившее преступление», т.е., как нам представляется, в рамках этой формулировки речь идет о преступнике-одиночке, который одновременно является и организатором, и пособником, сам себя подстрекает к совершению преступления и сам же является одновременно и исполнителем, так как все это сосредоточено в одной личности.

Согласно условиям второго варианта исполнителем преступления признается лицо, «...непосредственно участвующее в его совершении *совместно с другими лицами*».

С определенной долей условности можно сказать, что более точным с позиции соответствия правового содержания законодательной концепции института соучастия представляется именно этот вариант определения понятия исполнителя. Хотя, по нашему мнению, и эта формулировка не безупречна. Включение законодателем в понятийное определение исследуемого правового явления фразы «*непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами*» и особенности ее синтаксического построения, как ни странно, не только не исключает, но и делает более предпочтительным логический вывод о том, что под другими лицами понимаются все же только соисполнители. Но соучастие имеет место и в ситуациях, когда другими лицами наряду с исполнителем могут быть организатор, подстрекатель или пособник, о чем прямо сказано в части 2 статьи 16 УК. Как представляется, подбор терминов и их расположение в этом предложении нельзя признать удачным с точки зрения соблюдения техники изложения юридического содержания рассматриваемой нормы и, как следствие, предпосылки к расширительному толкованию нормы.

В этой части представляется более точно отвечающей юридической природе понятия исполнителя формулировка украинского законодателя, который в части 2 статьи 27 УК указал, что «Исполнителем (соисполнителем) признается лицо, которое *в соучастии с другими субъектами преступления непосредственно* ...совершило преступление, предусмотренное настоящим Кодексом» [6]. Подобное определение не нуждается в каком-либо уточнении.

Судебная практика всегда встречалась с многочисленными фактами, когда объективная сторона преступления выполнялась не собственноручно исполнителем, а путем использования в преступных целях не только неодушевленных предметов, животных, но и человека. В ранее действовавшем УК эти ситуации в нормативном порядке не были урегулированы, и спорные моменты разрешались на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Так, например, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в Постановлении № 11 от 20.12.1991 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» в пункте 12 разъяснял, что «если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, предусмотренного статьей 10 УК РБ (ст. 27 УК 1999 г.), в совершение конкретного преступления, а сам участия в нем не принимал, он рассматривается как исполнитель преступления...» [7]. Следует признать, что это было ненормальное явление, когда правовой статус участника уголовно-правовых отношений определялся не материальной нормой уголовного права, а разъяснением пленума Верховного Суда Республики Беларусь, которое в тот период даже не имело характера нормативного акта.

Известный русский криминалист Э.Я. Немировский следующим образом объяснял юридическую природу посредственного исполнительства: поскольку в соучастии исполнитель действует только умышленно, то и отвечает за умышленную вину. При невозможности такого вменения, когда, например, исполнитель невменяем или действовал по неосторожности, он рассматривается как орудие в руках других участников, которые признаются уже не подстрекателями или пособниками, а посредственными виновниками [8].

Сходную позицию в определении понятия посредственного исполнительства занимают большинство представителей современной науки уголовного права. Так, по мнению Р.И. Михеева под *посредственным исполнением* понимается преступная деятельность субъекта, умышленно использующего для достижения преступной цели при выполнении объективной стороны состава конкретного преступления в качестве орудия другое физическое лицо, не обладающее общими или специальными признаками субъекта преступления [9 – 12].

Это доктринальное направление и было взято за ориентир национальным законодателем при разработке нормативного определения понятия посредственного исполнения, что нашло свое закрепление, как ранее отмечалось, в части 3 статьи 16 УК. Как следует из содержания анализируемой нормы, исполнителем наряду с ранее рассмотренными двумя вариантами определений признается также лицо, «...совершившее преступление посредством использования *других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности*». Необходимо указать, что введение в УК нетипичной в правовом отношении фигуры исполнителя, называемого в теории чаще посредственным исполнителем, должно рассматриваться все же как *исключение* из традиционного концептуального определения понятия исполнителя, в котором всегда присутствует такой его обязательный объективный признак, как *непосредственность* участия в совершении преступления.

Законодатель в определении понятия посредственного исполнителя не конкретизирует содержание его признаков. В частности: 1) какие участники уголовно-правовых отношений подразумеваются в фразе «посредством использования *других* лиц? Кто эти другие лица? 2) По каким правовым основаниям эти лица не подлежат уголовной ответственности? Очевидно, что непрым в понятийном отношении является и сочетание слов «...или совершивших преступление по *неосторожности*».

В рамках проводимого сравнительного анализа следует отметить, что российский законодатель в однотипной норме (ч. 2 ст. 33 УК РФ), раскрывая понятие посредственного исполнения, определяет его признаки, по нашему мнению, более конкретно, указывая, что посредственным исполнителем признается «... лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу *возраста, невменяемости* или *других* обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом (*курсив авт.*)» [13]. Если первых два признака непосредственного исполнителя в законе обозначены предельно конкретно, то правовое содержание других обстоятельств, в силу которых лицо не подлежит уголовной ответственности, также нуждается в дополнительном разъяснении и уточнении.

На нормативном уровне применительно к определению понятия посредственного исполнителя (хотя данный термин в белорусском законодательстве вообще не употребляется) этот вопрос получил частичное уточнение только к ситуациям использования взрослым несовершеннолетними. Как следует из содержания пункта 18-а Постановления № 3 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28. 06. 2002 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», «если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного статьей 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, в силу части 3 статьи 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления, ...» [14]. Другие варианты оснований возникновения статуса посредственного исполнителя устанавливаются путем толкования ряда положений Общей части УК.

Попытаемся как бы выделить с учетом определенных правовых признаков конкретные *группы уголовно-правовых отношений*, в пределах которых и возникают предусмотренные части 3 статьи 16 УК варианты посредственного исполнения, приняв за основу систематизацию, предложенную Н.Ф. Кузнецовой [15].

1. По инициативе взрослого субъекта объективная сторона выполнена лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности применительно к конкретному преступлению (14 и 16 лет).

2. По инициативе взрослого субъекта объективная сторона выполнения несовершеннолетним лицом, которое достигло предусмотренного частями 2 и 3 статьи 27 УК возраста, но вследствие отставания в умственном развитии, не связанном с болезненным психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния.

3. Объективная сторона преступления по инициативе субъекта выполнена невменяемым лицом.

4. Субъект в преступных целях воспользовался добросовестным заблуждением другого лица.

5. Субъект умышленно использовал в своих преступных целях неосторожное поведение лица в виде преступной небрежности.

6. Субъект создал для другого лица под воздействием физического или психического принуждения состояние крайней необходимости.

7. Особые отношения (как правило, юридически властные), которые существуют между непосредственным и посредственным исполнителями (например, исполнение обязательного приказа или распоряжения).

В первых трех вариантах субъект признается исполнителем в его уголовно-правовом понимании (ч. 3 ст. 16 УК) и безусловно отвечает за преступление, а непосредственный исполнитель во всех случаях не несет уголовной ответственности в силу закона, так как не обладает всеми обязательными признаками субъекта преступления (ч. 1, 2 и 3 ст. 27 и ст. 28 УК).

Четвертый вариант исключает уголовную ответственность непосредственного исполнителя при условии доказанности, что лицо, фактически совершившее деяние, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия (в формальных составах) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть (в материальных составах). Это так называемое невинное причинение вреда, исключающее уголовную ответственность в силу закона (ст. 26 УК). Исполнителем преступления в подобных ситуациях будет являться посредственный исполнитель.

Пятый вариант включает в себя совокупность условий, при которых посредственный исполнитель умышленно использовал в своих преступных целях *неосторожное* поведение другого лица. В такой ситуации он является юридическим исполнителем преступления, а фактический исполнитель объективной стороны несет самостоятельную ответственность за совершение преступления с неосторожной формой

вины (преступная небрежность – часть 3 статьи 23 и часть 3 статьи 24 УК). По нашему мнению, подобные ситуации возможны только в преступлениях с неосторожной формой вины, которая исключает соучастие. В противном случае как квалифицировать содеянное непосредственным исполнителем, действующим по неосторожности, например, при попытке сбыть по просьбе посредственного исполнителя поддельную купюру с невысоким качественным уровнем ее изготовления?

В шестом варианте лицо, принуждающее других к совершению преступления, согласно смыслу УК должно нести уголовную ответственность в качестве посредственного исполнителя как в случае физического, так и психического принуждения

Возникающие здесь спорные вопросы подлежат разрешению в рамках института крайней необходимости (ст. 36 УК).

Седьмой вариант посредственного исполнения возможен в рамках реализации положений части 1 статьи 40 УК. По условиям нормы причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям при исполнении обязательного для лица приказа или распоряжения не влечет уголовной ответственности непосредственного исполнителя ввиду *отсутствия его вины*. Законодатель в части 1 статьи 40 УК прямо указал, что «Уголовную ответственность за причинение такого вреда *несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение*».

Во всех приведенных вариантах посредственного исполнительства в условиях отсутствия двухсторонней субъективной связи между обозначенными участниками отношений всегда присутствует объективная связь. Только при наличии такой формы связи и с учетом других положений, установленных частью 3 статьи 16 УК, *имеет место посредственное исполнение в его уголовно-правовом значении*.

В практическом плане действия исполнителя по реализации преступного умысла могут выражаться в двух как бы организационных формах: 1) объективная сторона конкретного преступления по инициативе лица, обладающего признаками надлежащего субъекта, фактически выполняется индивидуально *другими* лицами, уголовно-правовые признаки которых нами рассмотрены выше; 2) объективная сторона выполняется исполнителем *совместно* с лицом, не подлежащим в силу закона уголовной ответственности.

Предлагаемое теоретическое разделение действий исполнителя на две группы по признакам особенностей объективного взаимодействия с другими лицами, по нашему мнению, вполне согласуется с реалиями судебной практики. Если в рамках первой группы вариантов объективной связи надлежащий субъект, исходя из буквального понимания правовой природы анализируемого института уголовного права, *всегда будет выступать в качестве посредственного исполнителя*, что соответствует положениям части 3 статьи 16 УК, то во втором варианте преступного поведения субъекта *посредственное исполнительство вообще отсутствует*, ибо объективная сторона преступления им выполняется совместно с другим лицом *непосредственно*.

Здесь мы подходим ко второй части предмета исследования, которая находится в прямой связи с посредственным исполнительством – есть ли в рассматриваемых вариантах объективного взаимодействия признаки уголовно-правового соучастия?

Хотя у автора имеются определенные личные возражения, тем не менее считаем все же необходимым согласиться с доминирующим мнением, что признать наличие соучастия в условиях посредственного исполнения нельзя, так как такой подход со всей очевидностью противоречит общей концепции института соучастия в уголовном праве. Но вопрос к законодателю все же остается: случайно или из-за отсутствия убедительного решения спорной ситуации институт посредственного исполнения им включен в статью 16. Соучастие в преступлении? Ведь в рассмотренных нами ранее семи вариантах посредственного исполнения всегда де-факто присутствует второе физическое лицо, но де-юре оно отсутствует. Следовательно, в таких случаях отсутствует соучастие в его буквальном понимании, как это определил законодатель в части 1 статьи 16 УК, и преступник-одиночка не должен именоваться исполнителем. По нашему мнению, вопрос далеко не риторический.

В этой связи уместно обратиться еще раз к особенностям законодательного определения понятия «исполнитель» украинским законодателем. Думается, что он увидел обозначенные нами спорные положения и в принципе нашел правильный путь их разрешения, указав в норме, что «Исполнителем (соисполнителем) признается лицо, которое *в соучастии с другими субъектами преступления непосредственно или путем использования других лиц*, в соответствии с законом не подлежащих уголовной ответственности за содеянное, совершило преступление, предусмотренное настоящим Кодексом» [6, с. 75 – 76].

Из анализа положений части 2 статьи 27 УК Украины видно, что исполнительство, как и посредственное исполнительство, возможно только при наличии *других соучастников*, обладающих признаками субъекта преступления. Следовательно, украинский законодатель исключает возможность обозначения как преступника-одиночки, так и посредственного исполнителя термином «исполнитель» при отсутствии других соучастников, т.е. вне правовых рамок института соучастия. Значит, если надлежащий субъект использовал для выполнения объективной стороны, например, невменяемого, то он не будет

называться исполнителем в его уголовно-правовом понимании. В нашем законодательстве в этой части налицо противоречие понятию соучастия.

Как представляется, вопрос об уголовной ответственности таких лиц должен решаться или за рамками статьи 16 УК (соучастие в преступлении, например, в пределах статьи 27 УК), или же путем изменения редакции части 3 статьи 16 УК на формулировку примерно следующего содержания:

Исполнителем (соисполнителем) признается лицо, которое совместно с другими субъектами (соучастниками) преступления непосредственно или путем использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности, невменяемости или иных обстоятельств, установленных законом, совершило преступление, предусмотренное настоящим Кодексом».

Предлагаемый вариант соответствует законодательному определению понятия соучастия. Если нет других соучастников, тогда исполнителю-одиночке и посредственному исполнителю не место в институте соучастия.

Более спорным является второй вариант взаимодействия надлежащего исполнителя с другими лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу требований закона. По нашему мнению, есть необходимость подумать над вопросом такого содержания: обоснованна ли позиция законодателя и отвечает ли она современному уровню состояния преступности, когда уголовная ответственность исполнителя, выполнившего объективную сторону конкретного преступления совместно, например, с невменяемым или лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, в условиях непризнания такого объективного взаимодействия соучастием, а также отсутствия других законодательных оснований, может быть *усилена* только за счет применения пункта 14 части 2 статьи 64 УК (Обстоятельства, отягчающие ответственность)?

Вправе ли мы игнорировать тот факт, что совершение преступления несколькими лицами, в том числе безотносительно их уголовно-правового статуса, как правило, свидетельствует о более высокой степени общественной опасности содеянного. Например, разве нет признаков повышенной общественной опасности изнасилования, совершенного надлежащим субъектом и невменяемым, что не только вполне возможно, но и встречается в практике. Правовая оценка содеянного – часть 1 статьи 166 УК без вменения такого квалифицирующего признака, как группа лиц. Будет ли такое решение восприниматься справедливым? Очевидно, что нет.

Необходимо обратить внимание на еще одно важное в практическом и правовом отношении обстоятельство. В части 3 статьи 16 УК отсутствует указание на часто встречающееся в уголовном праве условие, как «заведомость», т.е. достоверное знание надлежащим субъектом того, что он использует в преступных целях невменяемого или лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности. Думается, что чаще всего посредственный исполнитель едва ли может обладать необходимым и достоверным объемом информации относительно правовых «дефектов» другого лица, которого он намеревается использовать в преступных целях или действует с ним совместно.

Нельзя игнорировать и специфику понятия невменяемости в уголовном праве, которая получает свое правовое закрепление только в судебном решении. Возникают определенные сложности, например, и в визуальном определении возраста несовершеннолетнего. Очевидно, что в подобных ситуациях всегда имеются объективные предпосылки для ошибок. Как поступать в таких ситуациях и что можно предложить? Варианты здесь могут быть разные, однако из-за ограниченного объема публикации остановимся только на отдельных из них.

1. Сделать исключение из общих положений института соучастия и признать факт совместного выполнения надлежащим субъектом объективной стороны с невменяемым или лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, независимо от степени осведомленности о правовой несостоятельности последних *соучастием*. А если быть более точным, то таким путем институт соучастия привести в соответствие с социальной реальностью. Для правовой чистоты определения понятия соучастия дополнить концепцию института соучастия положением, что в основе посредственного исполнения должны лежать вопросы уголовной ответственности за соучастие не в совершении *преступления*, а за соучастие в совершении общественно опасного *деяния*, содержащего признаки преступления, предусмотренного конкретной статьей Особенной части УК. При таких условиях действие лица, непосредственно участвовавшего в совершении деяния, предусмотренного УК, совместно с любыми другими лицами, будут квалифицироваться по признакам «группа лиц» *независимо от уголовно-правового статуса других лиц* (соисполнительство).

В этой связи уместно напомнить, что ранее судебная практика активно использовала этот вариант определения соучастия на основании разъяснения постановления № 3 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17. 09. 1994 г. «О применении судами законодательства по делам о хищениях имущества» [7, с. 50], в пункте 21 которого было записано, что «Как хищение по предварительному сговору группой лиц следует квалифицировать действия участников хищения независимо от того, что другие

участники преступления освобождены от уголовной ответственности по законным основаниям, в том числе и в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

По настоящее время эта позиция активно поддерживается не только отдельными учеными, но и юристами-практиками, в том числе и автором публикации [16]. Вместе с тем, например, разделяя точку зрения судьи Верховного Суда Республики Беларусь В. Чемрукова о необходимости признания соучастия в ситуациях, когда объективная сторона преступления наряду с исполнителем выполняется ненадлежащим субъектом, тем не менее считаю необходимым возразить в части, что в разрешении подобных принципиальных вопросов уважаемый профессионал-юрист предлагает руководствоваться не нормами материального уголовного права, а судебной практикой, а также позицией, занятой в этом вопросе как Верховным Судом Беларуси, так и Верховным Судом Российской Федерации. Для большей убедительности высказанной позиции почему-то приводится пример из судебной практики судебных органов Российской Федерации. Где же тогда наша сложившаяся судебная практика, на которую ссылается В. Чемруков?

Между тем отсутствие единства суждений в правовой оценке анализируемого явления подтверждается и тем фактом, что, по мнению авторов официального Комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь, «... группа, например, состоящая из трех человек, один из которых является виновным лицом, способным нести уголовную ответственность за содеянное, второй – невменяемым, а третий – малолетним, не может быть признана группой в уголовно-правовом смысле» [2, с. 59].

2. Если оставить в неизменном состоянии нормы Общей части, в поиске вариантов разрешения спорных ситуаций, как представляется, имеет право на обсуждение предложение о введении в конкретные статьи Особенной части УК (продумать, в какие) специального квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность по признаку «группа» за совместное совершение преступления с использованием лиц, не способных в силу закона нести уголовную ответственность. По нашему мнению, это положение необходимо распространить на невменяемых, малолетних и лиц, допустивших добросовестную ошибку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – УК ФРГ от 15.05.1871 г. в ред. от 13.11.1998 г. – М.: Зерцало, 2000. – 125 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Респ. Беларусь / Под общ. ред. А.В. Баркова. – Мн.: Тесей, 2003. – 1200 с.
3. Саркисова Э.А. Уголовное право. Общая часть: Учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Мн.: Тесей, 2002. – 496 с.;
4. Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2-х т. Т. 1. Общ. ч / Под ред. А.Н. Игнатова [и др.] – М.: НОРМА, 2000. – 639 с.
5. Уголовный кодекс Респ. Беларусь: принят Верх. Сов. БССР 29.12.1960 г. Введен в действие с 1.04.1961 г. (с изм. и доп. на 1.05.1994 г.). – Мн.: Репринт, 1994. – 208 с.
6. Уголовный кодекс Украины. – Офиц. изд. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2001. – № 25 – 26. – Ст. 131. – Харьков: Консу. – 2001.
7. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь (1994 – 1998 гг.) и обзоров судебной практики / Сост. Н.А. Бабий. – Мн.: Тесей, 2000. – 463 с.
8. Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. – Одесса, 1917. – С. 589.
9. Михеев Р.И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Межвуз. сб. тр. – Омск, 1998. – С. 10 – 11.
10. Барков А. Правовая природа групповых преступлений // Судовы веснік. – 1997. – № 1. – С. 52 – 56.
11. Ничипорович А. Соучастие в преступлении // Судовы веснік. – 1999. – № 2. – С. 11 – 14.
12. Шиманский В.В. Множественность субъектов преступления как объективный признак соучастия // Право Беларуси. – 2003. – № 31(55). – С. 69 – 71.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Рос. Федер. / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М.: НОРМА, 2001. – С. 61 – 63.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь № 3 от 26.06.2002 г. (с изм. и доп.) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Судовы веснік. – 2002. – № 3. – С. 10 – 15.
15. Курс уголовного права. Общ. ч. Т. 1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.Н. Тяжковой. – М.: 1999. – С. 400 – 401.
16. Чемруков В. О правовой оценке общественно опасных деяний, совершенных в состоянии невменяемости // Судовы веснік. – 2005. – № 4. – С. 15 – 17.